

Агата Кристи Десять негритят

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121936
Агата Кристи Десять негритят: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33504-6
Оригинал: Agatha Christie, "Ten Little Niggers"
Перевод:
Лариса Георгиевна Беспалова*

Аннотация

Десять никак не связанных между собой людей в особняке на уединенном острове... Кто вызвал их сюда таинственным приглашением? Кто убивает их, одного за другим, самыми невероятными способами? Почему все происходящее так тесно переплетено с веселым детским стишком?

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	6
3	7
4	8
5	9
6	10
7	11
8	12
Глава 2	13
1	13
2	15
3	16
4	18
5	19
6	20
7	22
8	23
9	24
10	25
11	26
12	27
13	28
Глава 3	29
1	29
2	31
3	34
Глава 4	38
1	38
2	40
3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Агата Кристи

Десять негритят

Глава 1

1

В углу курительного вагона первого класса судья Уоргрейв – он недавно вышел в отставку – попыхивал сигарой и просматривал отдел политики в «Таймс». Вскоре он отложил газету и выглянул из окна. Поезд проезжал через Сомерсет. Судья подсчитал – ему осталось еще два часа пути.

Снова и снова он перебрал в уме все, что писалось в газетах о Негритянском острове. Первоначально его приобрел американский миллионер – страстный яхтсмен, который построил на этом островке неподалеку от берегов Девона роскошный дом в современном стиле. Но увы, третья жена миллионера, его недавнее приобретение, не переносила качки, и это вынудило миллионера расстаться и с домом, и с островом. И вот в газетах замелькали объявления о продаже острова в сопровождении весьма красочных описаний. Затем последовало сообщение: остров купил некий мистер Оним. И тут заработала фантазия светских хроникеров. На самом деле Негритянский остров купила голливудская кинозвезда мисс Габриелла Терл! Она хочет провести там спокойно несколько месяцев – вдали от репортеров и рекламной шумихи! «Бизи Би» деликатно намекала: остров будет летней резиденцией королевской семьи. До мистера Мерриуэдера дошли слухи: остров купил молодой лорд Л. – он наконец пал жертвой Купидона и намерен провести на острове медовый месяц. «Джонасу» было доподлинно известно – остров приобрело Адмиралтейство для проведения неких весьма секретных экспериментов!

Поистине Негритянский остров не сходил с газетных полос.

Судья Уоргрейв извлек из кармана письмо. На редкость неразборчивый почерк, но там и сям попадались и четко написанные слова:

«Милый Лоренс... Сто лет ничего о Вас не слышала... непременно приезжайте на Негритянский остров... Очаровательное место... о стольком надо поговорить... старые времена... общаться с природой... греться на солнышке... 12.40 с Паддингтонского вокзала... встречу Вас в Оукбридже...»

И подпись с роскошным росчерком:

«Всегда Ваша Констанция Калмингтон».

Судья Уоргрейв унесся мыслями в прошлое, стараясь припомнить, когда он в последний раз видел леди Констанцию Калмингтон. Лет этак семь, если не все восемь назад. Тогда она уехала в Италию греться на солнышке, общаться с природой и с *contadini*¹. Он слышал, что вслед за этим она перебралась в Сирию, где собиралась греться под еще более жарким солнцем и общаться с природой и бедуинами.

¹ Крестьянами (*ит.*).

«Купить остров, – думал судья, – окружить себя атмосферой таинственности вполне в характере Констанции Калмингтон». И судья кивнул: он был доволен собой – его логика, как всегда, безупречна... Потом голова судьи упала на грудь – он заснул...

2

Вера Клейторн – она ехала в третьем классе – откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза; кроме нее, в вагоне были еще пять пассажиров. Ужасно жарко сегодня в поезде! Как приятно будет пожить у моря! Нет, ей положительно повезло с этой работой! Когда нанимаешься на лето, вечно приходится возиться с кучей детей – устроиться секретарем почти невозможно. Даже через агентство.

И вдруг она получает письмо:

«Мне Вас рекомендовало агентство «Умелые женщины». Насколько я понимаю, они Вас хорошо знают. Назовите, какое жалование Вы хотите получить, я заранее на все согласна. Я ожидаю, что Вы приступите к своим обязанностям 8 августа. Поезд отправляется в 12.40 с Паддингтонского вокзала. Вас встретят на станции Оукбридж. Прилагаю пять фунтов на расходы.

Искренне Ваша

Анна Нэнси Оним».

Наверху значился адрес: «Негритянский остров, Стиклхевн. Девон».

Негритянский остров! В последнее время газеты только о нем и писали! Репортеры рассыпали многозначительные намеки, сообщали занятные сплетни и слухи. Правды во всем этом было, по-видимому, мало. Но, во всяком случае, дом этот построил миллионер, и, как говорили, роскошь там была умопомрачительная.

Вера Клейторн, изрядно утомленная недавно закончившимся семестром, думала: «Место учительницы физкультуры в третьеразрядной школе – не бог весть что... Если б только мне удалось получить работу в какой-нибудь приличной школе...» Тут сердце у нее сжалось, и она одернула себя: «Нет, надо считать, мне повезло. Если ты побывала под следствием, на тебе пятно, пусть даже тебя в конце концов и оправдали».

И она вспомнила, что следователь в своем заключении отметил ее присутствие духа и храбрость. Да, следствие прошло хорошо, просто лучшего и желать нельзя. И миссис Хамилтон была так добра к ней... если б только не Хьюго. (*Нет, нет, она не будет думать о Хьюго!*)

Несмотря на жару, по коже у нее пошли мурашки, она пожалела, что едет к морю. Перед глазами возникла знакомая картина. Сирил плывет к скале, голова его то выныривает на поверхность, то погружается в море... Выныривает и погружается – погружается и выныривает... А она плывет, легко разрезает волны, привычно выбрасывая руки, и знает, слишком хорошо знает, что не успеет доплыть...

Море – теплые голубые волны – долгие часы на жарком песке – и Хьюго – он говорит, что любит ее... Нет, нельзя думать о Хьюго...

Она открыла глаза и недовольно посмотрела на сидящего напротив мужчину. Высокий, дочерна загорелый, светлые глаза довольно близко посажены, жесткая складка дерзкого рта. И подумала: держу пари, он немало путешествовал по свету и немало повидал...

3

Филиппу Ломбарду достаточно было одного взгляда, чтобы составить впечатление о девушке напротив: хорошенькая, но что-то в ней от учительши... Хладнокровная и наверняка умеет за себя постоять – и в любви, и в жизни. А ею, пожалуй, стоило бы заняться...

Он нахмурился. Нет-нет, сейчас не до этого. Дело есть дело. Сейчас надо сосредоточиться на работе.

Интересно, что за работа его ждет? Моррис напустил туману:

– Вам решать, капитан Ломбард: не хотите – не беритесь.

– Вы предлагаете сто гиней? – сказал небрежно Филипп, будто для него сто гиней – сущие пустяки.

Целых сто гиней, когда ему не на что сегодня пообедать. Впрочем, он вряд ли обманул Морриса, насчет денег его не обманешь – не такой он человек: про деньги он знает все.

– И больше вы ничего мне не можете сообщить? – продолжал он так же небрежно.

Мистер Айзек Моррис решительно помотал лысой головенкой:

– Нет, мистер Ломбард, тут я должен поставить точку. Моему клиенту известно, что вы незаменимый человек в опасных переделках. Мне поручили передать вам сто гиней. Взамен вы должны приехать в Стиклхевн, тот, что в Девоне. Ближайшая к нему станция – Оукбридж. Там вас встретят и доставят на машине в Стиклхевн, оттуда переправят на моторке на Негритянский остров. А тут уж вы перейдете в распоряжение моего клиента.

– Надолго? – только и спросил Ломбард.

– Самое большее – на неделю.

Пощипывая усики, капитан Ломбард сказал:

– Вы, надеюсь, понимаете, что за незаконные дела я не берусь?

Произнеся эту фразу, он подозрительно посмотрел на собеседника. Мистер Моррис, хотя его толстые губы тронула улыбка, ответил совершенно серьезно:

– Если вам предложат что-нибудь противозаконное, вы, разумеется, в полном праве отказаться.

И улыбнулся – вот нахал! Улыбнулся так, будто знал, что в прошлом Ломбард вовсе не был таким строгим ревнителем законности.

Ломбард и сам не сдержал усмешки. Конечно, раз или два он чуть было не попался! Но ему все сходило с рук! Он почти ни перед чем не останавливался. Вот именно, что почти ни перед чем. Пожалуй, на Негритянском острове ему не придется скучать...

4

Мисс Brent – она ехала в вагоне для некурящих – сидела прямо, будто палку проглотила: она не привыкла давать себе потачку. Ей было шестьдесят пять, и она не одобряла современной расхлябанности. Ее отец, старый служака полковник, придавал большое значение осанке. Современные молодые люди невероятно распушенны – стоит только посмотреть на их манеры, да и вообще по всему видно...

Сознание своей праведности и непоколебимой твердости помогало мисс Эмили Brent переносить духоту и неудобства поездки в битком набитом вагоне третьего класса.

Нынче все так себя балуют. Зубы рвут только с обезболиванием, от бессонницы глотают разные снотворные, сидят только на мягких креслах или подсунув под спину подушку, а молодые девушки ходят бог знает в чем, не носят корсетов, а летом и вовсе валяются на пляжах полуголые...

Мисс Brent поджала губы. Своим примером она хотела бы показать, как полагается вести себя людям определенного круга... Ей вспомнилось прошлое лето. Нет-нет, в этом году все будет иначе. Негритянский остров... И она вновь мысленно пробежала письмо, которое столько раз перечитывала:

«Дорогая мисс Brent, надеюсь, Вы меня еще помните? Несколько лет назад в августе мы жили в Беллхевнском пансионе, и, как мне казалось, у нас было много общего.

Теперь я открываю собственный пансионат на островке близ берегов Девона. По-моему, он как нельзя лучше подходит для пансиона с добротной кухней, без новомодных затей, – словом, пансион для людей наших с Вами привычек, людей старой школы. Здесь не будет полуголой молодежи и граммофонов за полночь. Я была бы очень рада, если б Вы сочли возможным отдохнуть летом на Негритянском острове, разумеется, совершенно бесплатно, в качестве моей гостьи. Устроит ли Вас август? Скажем, числа с восьмого?

Искренне Ваша А. Н...»

«Но как же ее все-таки зовут? Подпись удивительно неразборчивая. Теперь все подписываются так небрежно», – возмущалась Эмили Brent.

Она перебрала в уме людей, с которыми встречалась в Беллхевне. Она провела там два лета подряд. Там жила та симпатичная пожилая женщина – миссис... миссис – как бишь ее фамилия? Ее отец был каноником. И еще там была мисс Олтон или Оден. Нет-нет, ее фамилия была Онъон! Ну конечно же, Онъон!

Негритянский остров! Газеты много писали о Негритянском острове, прежде он будто бы принадлежал не то кинозвезде, не то американскому миллионеру. Конечно, зачастую эти острова продают задешево – остров не всякий захочет купить. Поначалу жизнь на острове кажется романтической, а стоит там поселиться – и обнаруживается столько неудобств, что не чаешь от него избавиться. «Но как бы там ни было, – думала Эмили Brent, – бесплатный отдых мне обеспечен». Теперь, когда она так стеснена в средствах – ведь дивиденды то и дело не выплачиваются, – не приходится пренебрегать возможностью сэкономить. Жаль только, что она почти ничего не может припомнить об этой миссис, а может быть, и мисс Онъон.

5

Генерал Макартур выглянул из окна. Поезд шел к Эксетеру – там генералу предстояла пересадка. Эти ветки, с их черепашьей скоростью, кого угодно выведут из терпения. А ведь по прямой до Негритянского острова – рукой подать.

Он так и не понял, кто же он все-таки, этот Оним, по-видимому приятель Пройды Леггарда и Джонни Дайера.

«Приедет пара армейских друзей... хотелось бы поговорить о старых временах».

Что ж, он с удовольствием поговорит о старых временах. Последние годы у него было ощущение, будто прежние товарищи стали его сторониться. А все из-за этих гнусных слухов! Подумать только: ведь с тех пор прошло почти тридцать лет! Не иначе как Армитидж проболтался, решил он. Нахальный щенок. Да и что он мог знать? Да ладно, не надо об этом думать. К тому же, скорее всего, ему просто мерещится, – мерещится, что то один, то другой товарищ поглядывает на него косо.

Интересно посмотреть, какой он, этот Негритянский остров. О нем ходит столько сплетен. Похоже, слухи о том, будто его купило Адмиралтейство, военное министерство или военно-воздушные силы, не так уж далеки от истины...

Дом на острове построил Элмер Робсон, молодой американский миллионер. Говорили, ухлопал на него уйму денег. Так что роскошь там поистине королевская...

Эксетер! Еще целый час в поезде! Никакого терпения не хватит. Так хочется побыстрее приехать...

6

Доктор Армстронг вел свой «Моррис» по Солсберийской равнине. Он совсем вымотался... В успехе есть и обратная сторона. Прошли те времена, когда он сидел в своем роскошном кабинете на Харли-стрит в безупречном костюме, среди самой что ни на есть современной аппаратуры – и ждал, ждал дни напролет, не зная, что впереди – успех или провал...

Он преуспел. Ему повезло! Впрочем, одного везения мало, нужно еще и быть хорошим профессионалом. Он знал свое дело – но и этого недостаточно для успеха. Требовалось еще, чтобы тебе повезло. А ему повезло! Неопределенный диагноз, одна-две благодарные пациентки – состоятельные и с положением в обществе, – и вот уже о нем заговорили: «Вам надо обратиться к Армстронгу, он хотя и молодой, но такой знающий: возьмите Пэм, у кого только она не лечилась – годами, я вам говорю, годами, а Армстронг только взглянул – и понял, что с ней».

И пошло-поехало.

Так доктор Армстронг стал модным врачом. Теперь дни его были расписаны по минутам. У него не оставалось времени на отдых. Вот почему этим августовским утром он радовался, что покидает Лондон и уезжает на несколько дней на остров у берегов Девона. Конечно, это не отдых в полном смысле слова. Письмо было написано в выражениях весьма неопределенных, зато чек, приложенный к письму, был весьма определенным. Гонорар просто неслыханный. У этих Онимов, должно быть, денег куры не клюют. Похоже, мужа беспокоит здоровье жены, и он хочет узнать, как обстоят дела, не потревожив ее. Она ни за что не хочет показаться доктору. А при ее нервах...

Ох уж мне эти нервы! Брови доктора взлетели вверх. Ох уж мне эти женщины и их нервы! Ничего не скажешь, их капризы шли ему на пользу. Половина женщин, которые к нему обращались, ничем не болели, а просто бесились от скуки, но попробуй только заикнись об этом! И в конце концов, разве трудно отыскать то или иное недомогание: у вас (какой-нибудь научный термин подлиннее) несколько не в норме, ничего серьезного, но вам следует подлечиться. Лечение самое несложное...

Ведь в медицине чаще всего лечит вера. А доктор Армстронг знал свое дело, что-что, а обнадежить, успокоить он умел.

К счастью, после того случая (когда же это было – десять, да нет, уже пятнадцать лет назад) он сумел взять себя в руки. Он просто чудом выпутался. Да, тогда он совсем опустил. Но потрясение заставило его собраться с силами. На следующий же день он бросил пить. Ей-ей, просто чудо, что он тогда выпутался...

Его оглушил пронзительный автомобильный гудок – мимо со скоростью километров сто тридцать как минимум промчался огромный «Суперспортс-Далмейн». Доктор Армстронг чуть не врезался в забор. Наверняка один из этих молодых остолопов, которые носятся по дорогам сломя голову. До чего они ему надоели. А ведь он чудом спасся – и на этот раз тоже. Черт бы побрал этого остолопа!

7

Тони Марстон, с ревом проносясь через деревушку Мир, думал: и откуда только берутся эти колымаги? Ползут как черепахи и, что самое противное, обязательно тащатся посреди дороги – нет чтоб посторониться! На наших английских дорогах класс езды не покажешь. Вот во Франции, там другое дело...

Остановиться здесь выпить или ехать дальше? Времени – вагон. Осталось проехать всего каких-нибудь полторы сотни километров. Он, пожалуй, выпьет джинну с имбирным лимонадом. Жара просто невыносимая!

А на этом островке наверняка можно будет недурно провести время, если погода не испортится. Интересно, кто они, эти Онимы? Не иначе как выскочки, которым деньги некуда девать. У Рыжика нюх на таких людей. Да и, по правде говоря, что ему, бедняге, остается: своих-то денег у него нет...

Надо надеяться, с выпивкой у них порядок. Хотя с этими выскочками ничего наперед не известно. А жаль, что слухи, будто остров купила Габриелла Терл, не подтвердились. Он бы не прочь повращаться среди кинозвезд. Что ж, надо полагать, какие-то девушки там все же будут...

Он вышел из гостиницы, потянулся, зевнул, посмотрел на безоблачно-голубое небо и сел в «Далмейн».

Отличная фигура, высокий рост, выющиеся волосы, ярко-голубые глаза на загорелом лице приковывали взгляды молодых женщин.

Он выжал акселератор, мотор взревел, и автомобиль нырнул в узкую улочку. Старики и мальчишки-посыльные поспешно посторонились. Уличная ребятня восхищенно провожала машину глазами.

Антони Марстон продолжал свой триумфальный путь.

8

Мистер Блор ехал поездом с замедленной скоростью из Плимута. Кроме него, в купе был всего один пассажир – старый моряк с мутными от пьянства глазами. Впрочем, сейчас он клевал носом. Мистер Блор аккуратно вносил какие-то записи в блокнот. «Вот они все, голубчики, – бормотал он себе под нос, – Эмили Брент, Вера Клейторн, доктор Армстронг, Антони Марстон, старый судья Уоргрейв, Филипп Ломбард, генерал Макартур, кавалер ордена Святого Михаила и Георгия и ордена «За боевые заслуги», двое слуг – мистер и миссис Роджерс».

Он захлопнул блокнот и положил его в карман. Покосился на моряка, прикорнувшего в углу.

«Набрался будь здоров», – с ходу определил мистер Блор.

И снова методично и основательно перебрал все в уме.

«Работа вроде несложная, – размышлял он. – Думаю, что осечки тут не будет. Вид у меня, по-моему, подходящий».

Он встал, придирчиво поглядел на себя в зеркало. В зеркале отражался человек не слишком выразительной наружности. Серые глаза поставлены довольно близко, маленькие усики. В облике что-то военное. «Могу сойти и за майора, – сказал своему отражению мистер Блор. – Ах ты, черт, забыл, там же будет тот генерал. Он меня сразу выведет на чистую воду. Южная Африка – вот что нужно! Никто из этой компании там не был, а я только что прочел рекламный проспект туристического агентства и смогу поддержать разговор. К счастью, жители колоний занимаются чем угодно. Так что я вполне могу сойти за дельца из Южной Африки».

Негритянский остров. Он как-то был там еще мальчишкой...

...Вонючая скала, засиженная чайками, километрах в двух от берега. Остров называли так потому, что его очертания напоминают профиль человека с вывороченными губами.

Странная затея – построить дом на таком острове! В плохую погоду там и вовсе жить нельзя. Впрочем, каких только причуд не бывает у миллионеров!

Старик в углу проснулся и сказал:

– На море ничего нельзя знать наперед – ни-че-го!

– Вы совершенно правы, ничего нельзя знать наперед, – поддакнул ему мистер Блор.

Старик икнул раз-другой и жалобно сказал:

– Шторм собирается.

– Да нет, приятель, – сказал Блор. – Погода отличная.

– А я вам говорю, что скоро будет буря, – рассердился старик, – у меня на это нюх.

– Может, вы и правы, – миролюбиво согласился мистер Блор.

Поезд остановился, старик, покачиваясь, поднялся.

– Мне сходить здесь, – сказал он и дернул дверь, но справиться с ней не смог.

Мистер Блор пришел ему на помощь. Старик остановился в двери, торжественно поднял руку, мутные глаза его моргали.

– Блюда себя, молись, – сказал он. – Блюда себя, молись. Судный день грядет ².

И вывалился на перрон. Растянувшись на перроне, он посмотрел на мистера Блора и торжественно провозгласил:

– Я обращаюсь к вам, молодой человек. Судный день грядет.

«Для него Судный день наверняка нагрянет скорее, чем для меня», – подумал мистер Блор, возвращаясь на свое место. И, как оказалось, ошибся.

² Строка из сборника гимнов Шарлотты Эллиот (1789 – 1871).

Глава 2

1

Перед зданием Оукбриджской станции в нерешительности сгрудилась кучка пассажиров. За ними выстроились носильщики с чемоданами.

Кто-то из носильщиков крикнул:

– Джим!

Из такси вышел шофер.

– Вы не на Негритянский остров собрались? – спросил он.

На его вопрос откликнулись сразу четверо. Удивленные пассажиры исподтишка оглядели друг друга.

– У нас здесь два такси, сэр, – обратился к судье Уоргрейву как к старшему в группе шофер. – Какое-то из них должно ждать поезд из Эксетера – с ним приедет еще один джентльмен. На это уйдет минут пять. Если кто-нибудь из вас согласится подождать, ехать будет удобнее.

Вера Клейторн, помня о своих секретарских обязанностях, сказала непререкаемым тоном, свойственным людям, привыкшим командовать:

– Я остаюсь, – и поглядела на остальных членов группы. Точь-в-точь так же она, должно быть, разбивала девочек на команды.

Мисс Брент чопорно сказала:

– Благодарю вас, – и села в такси.

Таксист почтительно придержал перед ней дверь. Судья Уоргрейв последовал за ней. Капитан Ломбард сказал:

– Я подожду с мисс...

– Клейторн, – сказала Вера.

– А меня зовут Ломбард, Филипп Ломбард.

Носильщики погрузили багаж. Уже в такси судья Уоргрейв, выбрав тему с осмотрительностью старого законника, сказал:

– Отличная погода стоит.

– Прекрасная, – отозвалась мисс Брент.

«В высшей степени достойный старый джентльмен, – думала она. – В приморских пансионах таких обычно не встретишь. По-видимому, у этой миссис или мисс Онъон прекрасные связи...»

– Вы хорошо знаете эти места? – осведомился судья Уоргрейв.

– Я бывала в Корнуолле и в Торки, но в этой части Девона я впервые.

– Я тоже совсем не знаю здешних мест, – сказал судья.

Такси тронулось. Второй таксист сказал:

– Может, вам лучше подождать в машине?

– Нет, спасибо, – решительно отказалась Вера.

Капитан Ломбард улыбнулся:

– На мой вкус, освещенные солнцем стены куда привлекательнее, но, может быть, вам хочется пройти в вокзал?

– Нет-нет. На воздухе очень приятно после вагонной духоты.

– Да, путешествовать в поезде по такой погоде очень утомительно, – отозвался он.

– Надо надеяться, что она продержится, я имею в виду погоду, – вежливо поддержала разговор Вера. – Наше английское лето такое неустойчивое.

– Вы хорошо знаете эти места? – задал капитан Ломбард не отличавшийся особой оригинальностью вопрос.

– Нет, раньше я никогда здесь не бывала. – И быстро добавила, твердо решив сразу же поставить все точки над i: – Я до сих пор не познакомилась с моей хозяйкой.

– Хозяйкой?

– Я секретарь миссис Оним.

– Вот как! – Манеры Ломбарда заметно переменились: он заговорил более уверенно, развязно. – А вам это не кажется странным? – спросил он.

Вера рассмеялась:

– Ничего странного тут нет. Секретарь миссис Оним внезапно заболела, она послала телеграмму в агентство с просьбой прислать кого-нибудь взамен – и они рекомендовали меня.

– Вот оно что. А вдруг вы познакомитесь со своей хозяйкой и она вам не понравится?

Вера снова рассмеялась:

– Да ведь я нанимаюсь только на каникулы. Постоянно я работаю в женской школе. К тому же мне не терпится посмотреть на Негритянский остров. О нем столько писали в газетах. Скажите, там действительно так красиво?

– Не знаю. Я там никогда не был, – сказал Ломбард.

– Неужели? Онимы, похоже, от него без ума. А какие они? Расскажите, пожалуйста.

«Дурацкое положение, – думал Ломбард, – интересно, знаком я с ними или нет?»

– У вас по руке ползет оса, – быстро сказал он. – Нет, нет, не двигайтесь. – И сделал вид, будто сгоняет осу. – Ну вот! Улетела.

– Спасибо, мистер Ломбард. Этим летом такое множество ос.

– А все жара. Кстати, вы не знаете, кого мы ждем?

– Понятия не имею.

Послышался гудок приближающегося поезда.

– А вот и наш поезд, – сказал Ломбард.

2

У выхода с перрона появился рослый старик, судя по седому ежику и аккуратно подстриженным седым усикам, военный в отставке. Носильщик, пошатываясь под тяжестью большого кожаного чемодана, указал ему на Веру и Ломбарда.

Вера выступила вперед, деловито представилась.

– Я секретарь миссис Оним, – сказала она. – Нас ждет машина. – И добавила: – А это мистер Ломбард.

Выцветшие голубые глаза старика, пронизательные, несмотря на возраст, оглядели Ломбарда, и, если бы кто-то заинтересовался его выводами, он мог бы в них прочесть:

«Красивый парень. Но что-то в нем есть подозрительное...»

Трое сели в такси. Проехали по сонным улочкам Оукбриджа, потом еще километра два по Плимутскому шоссе и нырнули в лабиринт деревенских дорог – крутых, узких, поросших травой.

Генерал Макартур сказал:

– Я совсем не знаю этих мест. У меня домик в Восточном Девоне, на границе с Дорсетом.

– А здесь очень красиво, – сказала Вера. – Холмы, рыжая земля, все цветет, и трава такая густая.

– На мой вкус, здесь как-то скученно. Я предпочитаю большие равнины. Там к тебе никто не может подкрасться... – возразил ей Филипп Ломбард.

– Вы, наверное, много путешествовали? – спросил Ломбарда генерал.

Ломбард пожал плечами:

– Да, пришлось пошататься по свету.

И подумал: «Сейчас он меня спросит, успел ли я побывать на войне. Этих старых вояк больше ничего не интересует». Однако генерал Макартур и не заикнулся о войне.

3

Преодолев крутой холм, они спустились петляющей проселочной дорогой к Стиклхевну – прибрежной деревушке в несколько домишек, неподалеку от которых виднелись одна-две рыбацкие лодки. Лучи закатного солнца осветили скалу, встававшую на юге из моря.

И тут они впервые увидели Негритянский остров.

– А он довольно далеко от берега, – удивилась Вера. Она представляла остров совсем иначе – небольшой островок у берега, на нем красивый белый дом. Но никакого дома не было видно, из моря круто вздымалась скала, очертания которой отдаленно напоминали гигантскую голову негра. В ней было что-то жутковатое. Вера вздрогнула.

У гостиницы «Семь звезд» их поджидала группа людей. Согбенный старик судья, прямая как палка мисс Эмили Brent и крупный, грубоватый с виду мужчина – он выступил вперед и представился.

– Мы решили, что лучше будет вас подождать, – сказал он, – и уехать всем разом. Меня зовут Дейвис. Родом из Наталя, прошу не путать с Трансваалем. Ха-ха-ха, – закатился он смехом.

Судья Уоргрейв посмотрел на него с откровенным недоброжелательством. Видно было, что ему не терпится дать приказ очистить зал суда. Мисс Эмили Brent явно пребывала в нерешительности, не зная, как следует относиться к жителям колоний.

– Не хотите промочить горло перед отъездом? – любезно предложил Дейвис.

Никто не откликнулся на его предложение, и мистер Дейвис повернулся, поднял палец и сказал:

– В таком случае не будем задерживаться. Наши хозяева ждут нас.

При этих словах на лицах гостей отразилось некоторое замешательство. Казалось, упоминание о хозяевах подействовало на них парализующе.

Дейвис сделал знак рукой. От стены отделился человек и подошел к ним. Качающаяся походка выдавала моряка.

Обветренное лицо, уклончивый взгляд темных глаз.

– Вы готовы, леди и джентльмены? – спросил он. – Лодка вас ждет. Еще два господина придут на своих машинах, но мистер Оним распорядился их не ждать: неизвестно, когда они приедут.

Группа пошла вслед за моряком по короткому каменному молу, у которого была пришвартована моторная лодка.

– Какая маленькая! – сказала Эмили Brent.

– Отличная лодка, мэм, лодка что надо, – возразил моряк. – Вы и глазом не успеете моргнуть, как она вас доставит хоть в Плимут.

– Нас слишком много, – резко оборвал его судья Уоргрейв.

– Она и вдвое больше возьмет, сэр.

– Значит, все в порядке, – вмешался Филипп Ломбард. – Погода отличная, море спокойное.

Мисс Brent не без некоторого колебания разрешила усадить себя в лодку. Остальные последовали за ней. Все держались отчужденно. Похоже было, что они недоумевают, почему хозяева пригласили такую разношерстную публику.

Они собирались отчалить, но тут моряк – он уже держал в руках концы – замер. По дороге, спускавшейся с крутого холма, в деревню въезжал автомобиль. Удивительно мощный и красивый, он казался каким-то нездешним видением. За рулем сидел молодой человек, волосы его развеивал ветер. В отблесках заходящего солнца он мог сойти за молодого

бога из северных саг. Молодой человек нажал на гудок, и прибрежные скалы откликнулись эхом мощному реву гудка.

Антони Марстон показался им тогда не простым смертным, а чуть ли не небожителем. Эта впечатляющая сцена врезалась в память всем.

4

Фред Нарракотт, сидя у мотора, думал, что компания подобралась довольно чудная. Он совсем иначе представлял себе гостей мистера Онима. Куда шикарнее. Разодетые дамочки, мужчины в яхтменских костюмах, – словом, важные шишки.

Вот у мистера Элмера Робсона были гости так гости. Фред Нарракотт ухмыльнулся. Да уж, те веселились – аж чертям тошно, а как пили!

Мистер Оним, видно, совсем другой. «Странно, – думал Фред, – что я в глаза не видел ни мистера Онима, ни его хозяйку. Он ведь ни разу сюда не приехал, так и не побывал здесь. Всем распоряжается и за все платит мистер Моррис. Указания он дает точные, деньги платит сразу, а только все равно не дело это. В газетах писали, что с мистером Онимом связана какая-то тайна. Видно, и впрямь так. А может, остров действительно купила мисс Габриелла Терл?»

Но, окинув взглядом пассажиров, он тут же отмел это предположение. Ну что они за компания для кинозвезды? Он пригляделся к своим спутникам. Старая дева, кислая как уксус, он таких много повидал. И злющая, это бросается в глаза. Старик – настоящая военная косточка с виду. Хорошенькая молодая барышня, но ничего особенного – никакого тебе голливудского шику-блеску.

А веселый простоватый джентльмен – вовсе никакой и не джентльмен, а так – торговец на покое, думал Фред Нарракотт. Зато в другом джентльмене, поджаром, с быстрым взглядом, и впрямь есть что-то необычное. Вот он, пожалуй что, и имеет какое-то отношение к кино.

Из всех пассажиров в компанию кинозвезде годится только тот, что приехал на своей машине (и на какой машине! Да таких машин в Стиклхевне сроду не видели. Небось стоит не одну сотню фунтов). Вот это гость что надо! По всему видать, денег у него куры не клюют. Вот если б все пассажиры были такие, тогда другое дело...

Да, если вдуматься, что-то здесь не так...

5

Лодка, вспенивая воду, обогнула скалу. И тут они увидели дом. Южная сторона острова в отличие от северной отлого спускалась к морю. Дом расположился на южном склоне – низкий, квадратный, построенный в современном стиле, с огромными закругленными окнами. Красивый дом – дом, во всяком случае, не обманул ничьих ожиданий!

Фред Нарракотт выключил мотор, и лодка проскользнула в естественную бухточку между скалами.

– В непогоду сюда, должно быть, трудно причалить, – заметил Филипп Ломбард.

– Когда дует юго-восточный, – бодро ответил Фред Нарракотт, – к Негритянскому острову и вовсе не причалишь. Он бывает отрезан от суши на неделю, а то и больше.

Вера Клейторн подумала: «С доставкой продуктов наверняка бывают сложности. Чем плохи эти острова – здесь трудно вести хозяйство».

Борт моторки уперся в скалу – Фред Нарракотт прыгнул на берег, и они с Ломбардом помогли остальным высадиться. Нарракотт привязал лодку к кольцу и повел пассажиров по вырубленным в скале ступенькам вверх.

– Недурной вид! – сказал генерал Макартур. Но ему было не по себе. «Странное место, что ни говори», – думал он.

Но вот, преодолев каменные ступени, компания вышла на площадку, и тут настроение у всех поднялось. В распахнутых дверях стоял представительный дворецкий – его торжественный вид подействовал на всех успокаивающе. Да и сам дом был удивительно красив, и пейзаж с площадки открывался великолепный.

Седой дворецкий, высокий, худощавый, весьма почтенного вида, пошел навстречу гостям.

– Извольте сюда, – сказал он.

В просторном холле гостей ожидали длинные ряды бутылок. Антони Марстон несколько взбодрился.

«И откуда только выкопали этих типов? – рассуждал он. – Что у меня с ними общего? Интересно, о чем думал Рыжик, когда звал меня сюда? Одно хорошо: на выпивку здесь не скупятся. Да и льда хватает. Что там говорит дворецкий?»

– К сожалению, мистера Онима задерживают дела – он приедет только завтра. Мне приказано выполнять все пожелания гостей – и не хотят ли гости пройти в свои комнаты? Обед будет подан в восемь...

6

Вера поднялась вверх по лестнице следом за миссис Роджерс. Служанка распахнула настежь дверь в конце коридора, и Вера прошла в великолепную спальню с двумя большими окнами – из одного открывался вид на море, другое выходило на восток. Вера даже вскрикнула от восторга – так ей понравилась комната.

– Я надеюсь, здесь есть все, что вам нужно, мисс? – сказала миссис Роджерс.

Вера огляделась. Ее чемодан принесли и распаковали. Одна из дверей вела в ванную комнату, облицованную голубым кафелем.

– Да-да, все.

– Если вам что-нибудь понадобится, мисс, позвоните.

Голос у миссис Роджерс был невыразительный, унылый. Вера с любопытством посмотрела на нее. Бледная, бескровная – ни дать ни взять привидение! Волосы собраны в пучок, черное платье. Словом, внешность самая что ни на есть респектабельная. Вот только светлые глаза беспокойно бегают по сторонам.

«Да она, должно быть, и собственной тени боится», – подумала Вера. И похоже, попала в самую точку. Вид у миссис Роджерс был насмерть перепуганный... У Веры по спине пошли мурашки. Интересно, чего может бояться эта женщина? – но вслух она любезно сказала:

– Я новый секретарь миссис Оним. Впрочем, вы наверняка об этом знаете.

– Нет, мисс, я ничего не знаю, – сказала миссис Роджерс. – Я получила только список с именами гостей и с указаниями, кого в какую комнату поместить.

– А разве миссис Оним не говорила вам обо мне? – спросила Вера.

– Я не видела миссис Оним, – сморгнула миссис Роджерс. – Мы приехали всего два дня назад.

«В жизни не встречала таких людей, как эти Онимы», – подумала Вера. Но вслух сказала:

– Здесь есть еще прислуга?

– Только мы с Роджерсом, мисс.

Вера недовольно сдвинула брови: восемь человек, с хозяином и хозяйкой – десять, и только двое слуг.

– Я хорошо готовлю, – сказала миссис Роджерс. – Роджерс все делает по дому. Но я не ожидала, что они пригласят так много гостей.

– Вы справитесь? – спросила Вера.

– Не беспокойтесь, мисс, я справлюсь. Ну а если гости будут приезжать часто, надо думать, миссис Оним пригласит кого-нибудь мне в помощь.

– Надеюсь, – сказала Вера.

Миссис Роджерс удалилась бесшумно, как тень.

Вера подошла к окну и села на подоконник. Ею овладело смутное беспокойство. Все здесь казалось странным – и отсутствие Онимов, и бледная, похожая на привидение миссис Роджерс. А уж гости и подавно: на редкость разношерстная компания. Вера подумала: «Жаль, что я не познакомилась с Онимами заранее... Хотелось бы знать, какие они...»

Она встала и, не находя себе места, заходила по комнате. Отличная спальня, обставленная в ультрасовременном стиле. На сверкающем паркетном полу кремовые ковры, светлые стены, длинное зеркало в обрамлении лампочек. На каминной полке никаких украшений, лишь скульптура в современном духе – огромный медведь, высеченный из глыбы белого мрамора, в него вделаны часы. Над часами в блестящей металлической рамке кусок пергамента, на нем стихи. Вера подошла поближе – это была старая детская считалка, которую она помнила еще с детских лет:

Десять негритят отправились обедать,
Один поперхнулся, их осталось девять.

Девять негритят, поев, клевали носом,
Один не смог проснуться, их осталось восемь.

Восемь негритят в Девон ушли потом,
Один не возвратился, остались всемером.

Семь негритят дрова рубили вместе,
Зарубил один себя – и осталось шесть их.

Шесть негритят пошли на пасеку гулять,
Одного ужалил шмель, их осталось пять.

Пять негритят судейство учинили,
Засудили одного, осталось их четыре.

Четыре негритенка пошли купаться в море,
Один попался на приманку, их осталось трое.

Трое негритят в зверинце оказались,
Одного схватил медведь, и вдвоем остались.

Двое негритят легли на солнцепеке,
Один сгорел – и вот один, несчастный, одинокий.

Последний негритенок поглядел устало,
Он пошел повесился, и никого не стало.

Вера улыбнулась: понятное дело – Негритянский остров! Она подошла к окну, выходящему на море, и села на подоконник. Перед ней простиралось бескрайнее море. Земли не было видно: всюду, куда ни кинь взгляд, – голубая вода в легкой ряби, освещенная предзакатным солнцем.

Море... Сегодня такое тихое, порой бывает беспощадным... Оно утягивает на дно. Утонул... Нашли утопленника... Утонул в море... Утонул, утонул, утонул... Нет, она не станет вспоминать... Не станет думать об этом! Все это в прошлом.

7

Доктор Армстронг прибыл на Негритянский остров к закату. По дороге он поболтал с лодочником – местным жителем. Ему очень хотелось что-нибудь выведать о владельцах Негритянского острова, но Нарракотт, как ни странно, ничего толком не знал, а возможно, и не хотел говорить. Так что доктору Армстронгу пришлось ограничиться обсуждением погоды и видов на рыбную ловлю.

Он долго просидел за рулем и очень устал. У него болели глаза. Когда едешь на запад, весь день в глаза бьет солнце. До чего же он устал! Море и полный покой – вот что ему нужно. Конечно, ему бы хотелось отдохнуть подольше, но этого он, увы, не мог себе позволить. То есть он, конечно, мог это себе позволить в смысле финансовом, но надолго отойти от дел он не мог. Так, того и гляди, клиентуру растеряешь. Теперь, когда он добился успеха, ни о какой передышке не может быть и речи. «И все равно, – думал он, – хотя бы на сегодня забуду о Лондоне, и о Харли-стрит, и обо всем прочем, представлю себе, что я никогда больше туда не вернусь».

В самом слове «остров» есть какая-то магическая, притягательная сила. Живя на острове, теряешь связь с миром; остров – это самостоятельный мир. Мир, из которого можно и не вернуться. «Оставляю-ка я на этот раз повседневную жизнь со всеми ее заботами позади», – думал он. Улыбка тронула его губы: он принялся строить планы, фантастические планы на будущее. Поднимаясь по вырубленным в скале ступенькам, он продолжал улыбаться.

На площадке сидел в кресле старик – лицо его показалось доктору Армстронгу знакомым. Где он мог видеть это жабье лицо, тонкую черепашую шею, ушедшую в плечи, и, главное, эти светлые глаза-буравчики? Ну как же, это старый судья Уоргрейв. Однажды он проходил свидетелем на его процессе. Вид у судьи был всегда сонный, но его никто не мог обойти. На присяжных он имел колоссальное влияние: говорили, что он может обвести вокруг пальца любой состав. Не раз и не два, когда обвиняемого должны были наверняка оправдать, ему удавалось добиться сурового приговора. Недаром его прозвали вешателем в мантии. Вот уж никак не ожидал встретить его здесь.

8

Судья Уоргрейв думал: «Армстронг? Помню, как он давал показания. Весьма осторожно и осмотрительно. Все доктора – олухи. А те, что с Харли-стрит, глупее всех». И он со злорадством вспомнил о недавней беседе с одним лощеным типом с этой самой улицы.

Вслух он проворчал:

– Спиртное в холле.

– Должен пойти поздороваться с хозяевами, – сказал доктор Армстронг.

Судья Уоргрейв закрыл глаза, отчего достиг еще большего сходства с ящером, и сказал:

– Это невозможно.

– Почему? – изумился доктор Армстронг.

– Ни хозяина, ни хозяйки здесь нет, – сказал судья. – Весьма странный дом. Ничего не могу понять.

Доктор Армстронг вытаращил на него глаза. Чуть погодя, когда ему стало казаться, что старик заснул, Уоргрейв вдруг сказал:

– Знаете Констанцию Калмингтон?

– К сожалению, нет.

– Это неважно, – сказал судья, – в высшей степени рассеянная женщина, да и почерк ее практически невозможно разобрать. Я начинаю думать, может быть, я не туда приехал.

Доктор Армстронг покачал головой и прошел в дом. А судья Уоргрейв еще некоторое время размышлял о Констанции Калмингтон: ненадежная женщина, но разве женщины бывают надежными? И мысли его перескочили на двух женщин, с которыми он приехал: старую деву с поджатыми губами и молодую девушку. Девчонка ему не понравилась – хладнокровная вертушка. Хотя нет, здесь не две, а три женщины, если считать миссис Роджерс. Странная тетка, похоже, она всего боится. А впрочем, Роджерсы – вполне почтенная пара и дело свое знают.

Тут на площадку вышел Роджерс.

– Вы не знаете, к вашим хозяевам должна приехать леди Констанция Калмингтон?

Роджерс изумленно посмотрел на него:

– Мне об этом ничего не известно, сэр.

Судья поднял было брови, но лишь фыркнул в ответ. «Недаром этот остров называют Негритянским, – подумал он, – тут дело и впрямь темное».

9

Антони Марстон принимал ванну. Он нежился в горячей воде. Отходил после долгой езды. Мысли не слишком обременяли его. Антони жил ради ощущений и действий.

«Ну да ладно – как-нибудь перебыюсь», – решил он и выбросил всякие мысли из головы.

Он отлежится в горячей ванне, сгонит усталость, побреется, выпьет коктейль, пообедает... А что потом?

10

Мистер Блор завязывал галстук. Он всегда с этим плохо справлялся. Поглядел в зеркало: все ли в порядке? Похоже, да.

С ним здесь не слишком приветливы... Они подозрительно переглядываются, будто им известно... Впрочем, все зависит от него. Он свое дело знает и сумеет его выполнить. Он посмотрел на считалку в рамке над камином. Недурной штришок.

«Помню, я как-то был здесь еще в детстве, – думал он. – Вот уж не предполагал, что мне придется заниматься таким делом на этом острове. Одно хорошо: никогда не знаешь наперед, что с тобой случится...»

11

Генерал Макатур пребывал в мрачной задумчивости. Черт побери, до чего все странно! Совсем не то, на что он рассчитывал... Будь хоть малейшая возможность, он бы под любым предлогом уехал... Ни минуты здесь не остался бы... Но моторка ушла. Так что хочешь не хочешь, а придется остаться. А этот Ломбард – подозрительный тип. Проходимец какой-то. Ей-ей, проходимец.

12

С первым ударом гонга Филипп вышел из комнаты и направился к лестнице. Он двигался легко и бесшумно, как ягуар. И вообще во всем его облике было что-то от ягуара. Красивого хищника – вот кого он напоминал. Всего одна неделя, улыбнулся он. Ну что ж, он скучать не будет.

13

Эмили Брент, переодевшись к обеду в черные шелка, читала у себя в спальне Библию. Губы ее бесшумно двигались:

«Обрушились народы в яму, которую выкопали; в сети, которую скрыли они, запуталась нога их.

Познан был Господь по суду, который Он совершил; нечестивый уловлен делами рук своих. Да обратятся нечестивые в ад...»³

Она поджала губы. И захлопнула Библию.

Поднялась, приколола на грудь брошь из дымчатого хрусталя и спустилась к обеду.

³ Ветхий Завет, Псалтирь, 9:16 – 18.

Глава 3

1

Обед близился к концу. Еда была отменная, вина великолепные. Роджерс прислуживал безукоризненно.

Настроение у гостей поднялось, языки развязались. Судья Уоргрейв, умягченный превосходным портвейном, в присущей ему саркастической манере рассказывал какую-то занятную историю; доктор Армстронг и Тони Марстон слушали. Мисс Брент беседовала с генералом Макартуром – у них нашлись общие знакомые. Вера Клейторн задавала мистеру Дейвису дельные вопросы о Южной Африке. Мистер Дейвис бойко отвечал. Ломбард прислушивался к их разговору. Раз-другой он глянул на Дейвиса, и его глаза сощурились. Время от времени он обводил взглядом стол, присматривался к сотрапезникам.

– Правда, занятные фигурки? – воскликнул вдруг Антони Марстон.

В центре круглого стола на стеклянной подставке в форме круга стояли маленькие фарфоровые фигурки.

– Понятно, – добавил Тони, – раз здесь Негритянский остров, как же без негритят.

Вера наклонилась, чтобы рассмотреть фигурки поближе:

– Интересно, сколько их здесь? Десять?

– Да, десять.

– Какие смешные! – умилилась Вера. – Да это же десять негритят из считалки. У меня в комнате она висит в рамке над камином.

Ломбард сказал:

– И у меня.

– И у меня.

– И у меня, – подхватил хор голосов.

– Забавная выдумка, вы не находите? – сказала Вера.

– Скорее детская, – буркнул судья Уоргрейв и налил себе портвейна.

Эмили Брент и Вера Клейторн переглянулись и поднялись с мест.

В распахнутые настежь стеклянные двери столовой доносился шум бившегося о скалы прибоя.

– Люблю шум моря, – сказала Эмили Брент.

– А я его ненавижу, – вырвалось у Веры.

Мисс Брент удивленно посмотрела на нее. Вера покраснела и, овладев собой, добавила:

– Мне кажется, в шторм здесь довольно неуютно.

Эмили Брент согласилась.

– Но я уверена, что на зиму дом закрывают, – сказала она. – Хотя бы потому, что слуг ни за какие деньги не заставишь остаться здесь на зиму.

Вера пробормотала:

– Я думаю, найти прислугу, которая согласилась бы жить на острове, вообще трудно.

Эмили Брент сказала:

– Миссис Онъон очень повезло с прислугой. Миссис Роджерс отлично готовит.

Вера подумала: «Интересно, что пожилые люди всегда путают имена».

– Совершенно с вами согласна, миссис Оним действительно очень повезло.

Мисс Брент – она только что вынула из сумки вышивание и теперь вдвела нитку в иголку – так и застыла с иголкой в руке.

– Оним? Вы сказали, Оним? – переспросила она.

– Да.

– Никаких Онимов я не знаю, – отрезала Эмили Брент.

Вера уставилась на нее:

– Но как же...

Она не успела закончить. Двери открылись – пришли мужчины. За ними следовал Роджерс – он нес поднос с кофе.

Судья подсел к мисс Брент. Армстронг подошел к Вере. Тони Марстон направился к открытому окну. Блор в недоумении уставился на медную статуэтку, он никак не мог поверить, что эти странные углы и зигзаги изображают женскую фигуру. Генерал Макартур, прислонившись к каминной полке, пощипывал седые усы. Лучшего обеда и желать нельзя. Настроение у него поднялось. Ломбард взял «Панч», лежавший в кипе журналов на столике у стены, и стал перелистывать его. Роджерс обносил гостей кофе.

Кофе, крепкий, горячий, был очень хорош. После отличного обеда гости были довольны жизнью и собой. Стрелки часов показывали двадцать минут десятого. Наступило молчание – спокойное, блаженное молчание. И вдруг молчание нарушил ГОЛОС. Он ворвался в комнату – грозный, нечеловеческий, леденящий душу:

– *Дамы и господа! Прошу тишины!*

Все встrepенулись. Огляделись по сторонам, посмотрели друг на друга, на стены. Кто бы это мог говорить? А голос продолжал, громкий, отчетливый:

– *Вам предъявляются следующие обвинения:*

Эдуард Джордж Армстронг, вы ответственны за смерть Луизы Мэри Клиис, последовавшую 14 марта 1925 года.

Эмили Каролина Брент, вы виновны в смерти Беатрисы Тейлор, последовавшей 5 ноября 1931 года.

Уильям Генри Блор, вы были причиной смерти Джеймса Стивена Ландора, последовавшей 10 октября 1928 года.

Вера Элизабет Клейторн, 11 августа 1935 года вы убили Сирила Огилви Хамилтона.

Филипп Ломбард, вы в феврале 1932 года обрекли на смерть двадцать человек из восточноафриканского племени.

Джон Гордон Макартур, вы 4 февраля 1917 года намеренно послали на смерть любовника вашей жены Артура Ричмонда.

Антони Джеймс Марстон, вы убили Джона и Люси Комбс 14 ноября прошлого года.

Томас Роджерс и Этель Роджерс, 6 мая 1929 года вы обрекли на смерть Дженнифер Брейди.

Лоренс Джон Уоргрейв, вы виновник смерти Эдварда Ситона, последовавшей 10 июня 1930 года.

Обвиняемые, что вы можете сказать в свое оправдание?

2

Голос умолк.

На какой-то миг воцарилось гробовое молчание, потом раздался оглушительный грохот. Роджерс уронил поднос. И тут же из коридора донесся крик и приглушенный шум падения.

Первым вскочил на ноги Ломбард. Он бросился к двери, широко распахнул ее. На полу лежала миссис Роджерс.

– Марстон! – крикнул Ломбард.

Антони поспешил ему на помощь. Они подняли женщину и перенесли в гостиную. Доктор Армстронг тут же кинулся к ним. Он помог уложить миссис Роджерс на диван, склонился над ней.

– Ничего страшного, – сказал он, – потеряла сознание, только и всего. Скоро придет в себя.

– Принесите коньяк, – приказал Роджерсу Ломбард.

Роджерс был белым как мел, у него тряслись руки.

– Сейчас, сэр, – пробормотал он и выскользнул из комнаты.

– Кто это мог говорить? И где скрывается этот человек? – сыпала вопросами Вера. – Этот голос... он похож... похож...

– Да что же это такое? – бормотал генерал Макатур. – Кто разыграл эту скверную шутку?

Руки у него дрожали. Он сгорбился. На глазах постарел лет на десять.

Блор вытирал лицо платком. Только судья Уоргрейв и мисс Брент сохраняли спокойствие. Эмили Брент – прямая как палка – высоко держала голову. Лишь на щеках ее горели темные пятна румянца. Судья сидел в своей обычной позе – голова его ушла в плечи, рукой он почесывал ухо. Но глаза его, живые и пронизательные, настороженно шныряли по комнате.

И снова первым опомнился Ломбард. Пока Армстронг занимался миссис Роджерс, Ломбард взял инициативу в свои руки:

– Мне показалось, что голос шел из этой комнаты.

– Но кто бы это мог быть? – вырвалось у Веры. – Кто? Ясно, что ни один из нас говорить не мог.

Ломбард, как и судья, медленно обвел глазами комнату. Взгляд его задержался было на открытом окне, но он тут же решительно покачал головой. Внезапно его глаза сверкнули. Он кинулся к двери у камина, ведущей в соседнюю комнату. Стремительно распахнул ее, ворвался туда.

– Ну конечно, так оно и есть, – донесся его голос.

Остальные поспешили за ним. Лишь мисс Брент не поддавалась общему порыву и осталась на месте.

К общей с гостиной стене смежной комнаты был придвинут столик. На нем стоял старомодный граммофон – его раструб упирался в стену. Ломбард отодвинул граммофон, и все увидели несколько едва заметных дырочек в стене, очевидно просверленных тонким сверлом.

Он завел граммофон, поставил иглу на пластинку, и они снова услышали:

– *Вам предъявляются следующие обвинения.*

– Выключите! Немедленно выключите! – закричала Вера. – Какой ужас!

Ломбард поспешил выполнить ее просьбу. Доктор Армстронг с облегчением вздохнул.

– Я полагаю, что это была глупая и злая шутка, – сказал он.

– Вы думаете, что это шутка? – тихо, но внушительно спросил его судья Уоргрейв.

– А как по-вашему? – уставился на него доктор.

– В настоящее время я не берусь высказаться по этому вопросу, – сказал судья, в задумчивости поглаживая верхнюю губу.

– Послушайте, вы забыли об одном, – прервал их Антони Марстон. – Кто, шут его дери, мог завести граммофон и поставить пластинку?

– Вы правы, – пробормотал Уоргрейв. – Это следует выяснить.

Он двинулся обратно в гостиную. Остальные последовали за ним.

Тут в дверях появился Роджерс с бокалом коньяка в руке. Мисс Брент склонилась над стонущей миссис Роджерс. Роджерс ловко вклинился между женщинами:

– С вашего разрешения, мэм, я поговорю с женой. Этель, послушай, Этель, не бойся. Ничего страшного не случилось. Ты меня слышишь? Соберись с силами.

Миссис Роджерс дышала тяжело и неровно. Ее глаза, испуганные и настороженные, снова и снова обводили взглядом лица гостей.

– Ну же, Этель. Соберись с силами! – увещевал жену Роджерс.

– Вам сейчас станет лучше, – успокаивал миссис Роджерс доктор Армстронг. – Это была шутка.

– Я потеряла сознание, сэр? – спросила она.

– Да.

– Это все из-за голоса – из-за этого ужасного голоса, можно подумать, он приговор зачитывал. – Лицо ее снова побледнело, веки затрепетали.

– Где же наконец коньяк? – раздраженно спросил доктор Армстронг.

Роджерс поставил бокал на маленький столик. Стакан передали доктору, он поднес его задыхающейся миссис Роджерс:

– Выпейте, миссис Роджерс.

Она выпила, поперхнулась, закашлялась. Однако коньяк все же помог – щеки ее порозовели.

– Мне гораздо лучше, – сказала она. – Все вышло до того неожиданно, что я сомлела.

– Еще бы, – прервал ее Роджерс. – Я и сам поднос уронил. Подлые выдумки, от начала и до конца. Интересно бы узнать...

Но тут его прервали. Раздался кашель – деликатный, короткий кашель, однако он мигом остановил бурные излияния дворецкого. Он уставился на судью Уоргрейва – тот снова кашлянул.

– Кто завел граммофон и поставил пластинку? Это были вы, Роджерс? – спросил судья.

– Кабы я знал, что это за пластинка, – оправдывался Роджерс. – Христом Богом клянусь, я ничего не знал, сэр. Кабы знать, разве бы я ее поставил?

– Охотно вам верю, но все же, Роджерс, вам лучше объясниться, – не отступался судья. Дворецкий утер лицо платком.

– Я выполнял указания, сэр, только и всего, – оправдывался он.

– Чьи указания?

– Мистера Онима.

Судья Уоргрейв сказал:

– Расскажите мне все как можно подробнее. Какие именно указания дал вам мистер Оним?

– Мне приказали поставить пластинку на граммофон, – сказал Роджерс. – Я должен был взять пластинку в ящике, а моя жена завести граммофон в тот момент, когда я буду обносить гостей кофе.

– В высшей степени странно, – пробормотал судья.

– Я вас не обманываю, сэр, – оправдывался Роджерс. – Христом Богом клянусь, это чистая правда. Знал бы я, что это за пластинка, а мне и невдомек. На ней была наклейка, на наклейке название – все честь по чести, ну я и подумал, что это какая-нибудь музыка.

Уоргрейв перевел взгляд на Ломбарда:

– На пластинке есть название?

Ломбард кивнул.

– Совершенно верно, сэр, – оскалил он в улыбке острые белые зубы. – Пластинка называется «Лебединая песня».

3

Генерала Макартура прорвало.

– Неслыханная наглость! – возопил он. – Ни с того ни с сего бросить чудовищные обвинения. Мы должны что-то предпринять. Пусть этот Оним, кто б он ни был...

– Вот именно, – прервала его Эмили Брент. – Кто он такой? – сказала она сердито.

В разговор вмешался судья. Властно – годы, проведенные в суде, прошли недаром – он сказал:

– Прежде всего мы должны узнать, кто этот мистер Оним. А вас, Роджерс, я попрошу уложить вашу жену, потом возвратиться сюда.

– Слушаюсь, сэр.

– Я помогу вам, Роджерс, – сказал доктор Армстронг.

Миссис Роджерс – ее поддерживали под руки муж и доктор – шатаясь вышла из комнаты. Когда за ними захлопнулась дверь, Тони Марстон сказал:

– Не знаю, как вы, сэр, а я не прочь выпить.

– Идет, – сказал Ломбард.

– Пойду на поиски, посмотрю, где тут что, – сказал Тони, вышел и тут же вернулся. – Выпивка стояла на подносе прямо у двери – ждала нас.

Он бережно поставил поднос на стол и наполнил бокалы. Генерал Макатур и судья пили неразбавленный виски. Всем хотелось взбодриться. Одна Эмили Брент попросила принести ей стакан воды.

Вскоре доктор Армстронг вернулся в гостиную.

– Оснований для беспокойства нет, – сказал он. – Я дал ей снотворное. Что это вы пьете? Я, пожалуй, последую вашему примеру.

Мужчины наполнили бокалы по второму разу. Чуть погодя появился Роджерс. Судья Уоргрейв взял на себя расследование. Гостиная на глазах превратилась в импровизированный зал суда.

– Теперь, Роджерс, – сказал судья, – мы должны добраться до сути. Кто такой мистер Оним?

– Владелец этого острова, сэр, – уставился на судью Роджерс.

– Это мне известно. Что знаете вы лично об этом человеке?

Роджерс покачал головой:

– Ничего не могу вам сообщить, сэр, я его никогда не видел.

Гости заволновались.

– Никогда не видели его? – спросил генерал Макатур. – Что же все это значит?

– Мы с женой здесь всего неделю. Нас наняли через агентство. Агентство «Регина» в Плимуте прислало нам письмо.

Блор кивнул.

– Старая почтенная фирма, – сообщил он.

– У вас сохранилось это письмо? – спросил Уоргрейв.

– Письмо, в котором нам предлагали работу? Нет, сэр. Я его не сохранил.

– Ну что же, продолжайте. Вы утверждаете, что вас наняли на работу письмом.

– Да, сэр. Нам сообщили, в какой день мы должны приехать. Так мы и сделали. Дом был в полном порядке. Запасы провизии, налаженное хозяйство. Нам осталось только стереть пыль.

– А дальше что?

– Да ничего, сэр. Нам было велено – опять же в письме – приготовить комнаты для гостей, а вчера я получил еще одно письмо от мистера Онима. В нем сообщалось, что они с

миссис Оним задерживаются и мы должны принять гостей как можно лучше. Еще там были распоряжения насчет обеда, а после обеда, когда я буду обносить гостей кофе, мне приказали поставить пластинку.

– Но хоть это письмо вы сохранили? – раздраженно спросил судья.

– Да, сэр, оно у меня с собой.

Он вынул письмо из кармана и протянул судье.

– Хм, – сказал судья, – отправлено из «Ритца» и напечатано на машинке.

– Разрешите взглянуть? – кинулся к судье Блор.

Выдернул письмо из рук судьи и пробежал его.

– Пишущая машинка «Коронейшн», – пробурчал он. – Новехонькая – никаких дефектов. Бумага обыкновенная, на такой пишут все. Письмо нам ничего не дает. Вряд ли на нем есть отпечатки пальцев.

Уоргрейв испытующе посмотрел на Блора. Антони Марстон – он стоял рядом с Блором – разглядывал письмо через его плечо.

– Ну и имечко у нашего хозяина. Алек Норман Оним. Язык сломаешь.

Судья чуть не подскочил.

– Весьма вам признателен, мистер Марстон, – сказал он. – Вы обратили мое внимание на любопытную и наталкивающую на размышления деталь. – Обвел глазами собравшихся и, вытянув шею, как разъяренная черепаха, сказал: – Я думаю, настало время поделиться друг с другом своими сведениями. Каждому из нас следует рассказать все, что он знает о хозяине дома. – Сделал паузу и продолжал: – Все мы приехали на остров по его приглашению. Я думаю, для всех нас было бы бесполезно, если бы каждый объяснил, как он очутился здесь.

Наступило молчание, но его чуть не сразу же нарушила Эмили Брент.

– Все это очень подозрительно, – сказала она. – Я получила письмо, подписанное очень неразборчиво. Я решила, что его послала одна женщина, с которой познакомилась на курорте летом года два-три назад. Мне кажется, ее звали либо миссис Оден, либо Онъон. Я знаю миссис Онъон, знаю также и мисс Оден. Но со всей уверенностью могу утверждать, что у меня нет ни знакомых, ни друзей по фамилии Оним.

– У вас сохранилось это письмо, мисс Брент? – спросил судья.

– Да, я сейчас принесу его.

Мисс Брент ушла и через минуту вернулась с письмом.

– Кое-что начинает проясняться, – сказал судья, прочтя письмо. – Мисс Клейторн?

Вера объяснила, как она получила место секретаря.

– Марстон? – сказал судья.

– Получил телеграмму от приятеля, – сказал Антони, – Рыжика Беркли. Очень удивился – думал, он в Норвегии. Он просил приехать побыстрее сюда.

Уоргрейв кивнул.

– Доктор Армстронг? – сказал он.

– Меня пригласили в профессиональном качестве.

– Понятно. Вы не знали эту семью прежде?

– Нет. В полученном мной письме ссылались на одного моего коллегу.

– Для пущей достоверности, конечно, – сказал судья. – Ваш коллега, я полагаю, в это время находился где-то вне пределов досягаемости?

– Да.

Ломбард – он все это время не сводил глаз с Блора – вдруг сказал:

– Послушайте, а мне только что пришло в голову...

Судья поднял руку:

– Минуточку...

– Но мне...

– Нам следует придерживаться определенного порядка, мистер Ломбард. Сейчас мы расследуем причины, которые привели нас на этот остров. Генерал Макартур?

Генерал пробормотал, пощипывая усики:

– Получил письмо... от этого типа Онима... Он упоминал старых армейских друзей, которых я здесь повидаю. Писал: «Надеюсь, Вы не посетуете на то, что я счел возможным без всяких церемоний обратиться к Вам». Письма я не сохранил.

– Мистер Ломбард? – сказал Уоргрейв.

Ломбард лихорадочно думал, выложить все начистоту или нет.

– То же самое, – сказал наконец он. – Я получил приглашение, где упоминались общие знакомые, попался на удочку. Письмо я порвал.

Судья Уоргрейв перевел взгляд на мистера Блора. Судья поглаживал пальцем верхнюю губу, в голосе его сквозила подозрительная вежливость.

– Только что мы пережили весьма неприятные минуты. Некий бестелесный голос, обратившись к нам поименно, предъявил всем определенные обвинения. Ими мы займемся в свое время. Теперь же я хочу выяснить одно обстоятельство: среди перечисленных имен упоминалось имя некоего Уильяма Генри Блора. Насколько нам известно, среди нас нет человека по имени Блор. Имя Дейвис упомянуто не было. Что вы на это скажете, мистер Дейвис?

– Дальше играть в прятки нет смысла, – помрачнел Блор. – Вы правы, моя фамилия вовсе не Дейвис.

– Значит, вы и есть Уильям Генри Блор?

– Так точно.

– Я могу еще кое-что добавить к этому, – вмешался Ломбард. – То, что вы здесь под чужой фамилией, мистер Блор, это еще полбеды, вы еще и враль, каких мало. Вы утверждаете, что жили в Южной Африке, и в частности в Натале. Я знаю Южную Африку и знаю Наталь и готов присягнуть, что вы в жизни своей там не были.

Восемь пар глаз уставились на Блора. Подозрительно, сердито. Антони Марстон, сжав кулаки, двинулся было к нему.

– Это твои шуточки, подлюга? Отвечай!

Блор откинул голову, упрямо выдвинул тяжелую челюсть.

– Вы ошиблись адресом, господа, – сказал он. – У меня есть с собой удостоверение личности – вот оно. Я – бывший чиновник отдела по расследованию уголовных дел Скотленд-Ярда. Теперь я руковожу сыскным агентством в Плимуте. Сюда меня пригласили по делу.

– Кто вас пригласил? – спросил Уоргрейв.

– Оним. Вложил в письмо чек – и немалый – на расходы, указал, что я должен делать. Мне было велено втереться в компанию, выдав себя за гостя. Я должен был следить за вами – ваши имена мне сообщили заранее.

– Вам объяснили почему?

– Из-за драгоценностей миссис Оним, – удрученно сказал Блор. – Миссис Оним! Чтоб такой стреляный воробей, как я, попался на мякине. Да никакой миссис Оним и в помине нет.

Судья снова погладил верхнюю губу, на этот раз задумчиво.

– Ваши заключения представляются мне вполне обоснованными, – сказал он. – Алек Норман Оним! Под письмом мисс Брент вместо фамилии стоит закорючка, но имена написаны вполне ясно – Анна Нэнси, – значит, оба раза фигурируют одинаковые инициалы: Алек Норман Оним – Анна Нэнси Оним, то есть каждый раз – А.Н. Оним. И если слегка напрячь воображение, мы получим – аноним!

– Боже мой, это же безумие! – вырвалось у Веры.

Судья согласно кивнул.

– Вы правы, – сказал он. – Я нисколько не сомневаюсь, что нас пригласил на остров человек безумный. И скорее всего, опасный маньяк.

Глава 4

1

Наступила тишина – гости в ужасе застыли на своих местах. Молчание нарушил тонкий въедливый голосок судьи:

– А теперь приступим к следующей стадии расследования. Но прежде всего я хочу приобщить к делу и свои показания. – Он вынул из кармана письмо, бросил его на стол. – Письмо написано якобы от имени моей старинной приятельницы – леди Констанции Калмингтон. Я давно не видел ее. Несколько лет назад она уехала на Восток. Письмо выдержано в ее духе – именно такое несуразное, сумасбродное письмо сочинила бы она. В нем она приглашала меня приехать, о хозяевах упоминала в самых туманных выражениях. Как видите, прием тот же самый, а это, само собой, подводит нас к одному немаловажному выводу. Кто бы ни был человек, который заманил нас сюда, – мужчина или женщина, – он нас знает или, во всяком случае, позаботился навести справки о каждом из нас. Он знает о моих дружеских отношениях с леди Констанцией и знаком с ее эпистолярным стилем. Знает он и коллег доктора Армстронга и то, где они сейчас находятся. Ему известно прозвище друга мистера Марстона. Он в курсе того, где отдыхала два года назад мисс Брент и с какими людьми она там встречалась. Знает он и об армейских друзьях генерала Макатура. – И, помолчав, добавил: – Как видите, наш хозяин знает о нас не так уж мало. И на основании этих сведений он предъявил нам определенные обвинения.

Его слова вызвали бурю негодования.

– Ложь!.. – вопил генерал Макатур. – Наглая клевета!

– Это противозаконно! – вторила Вера. Голос ее пресекался. – Какая низость!

– Понятия не имею, что имел в виду этот идиот! – буркнул Антони Марстон.

Судья Уоргрейв поднял руку, призывая к молчанию.

– Вот что я хочу заявить. Наш неизвестный друг обвиняет меня в убийстве некоего Эдуарда Ситона. Я отлично помню Ситона. Суд над ним состоялся в июне 1930 года. Ему было предъявлено обвинение в убийстве престарелой женщины. У него был ловкий защитник, и он сумел произвести хорошее впечатление на присяжных. Тем не менее свидетельские показания полностью подтвердили его виновность. Я построил обвинительное заключение на этом, и присяжные пришли к выводу, что он виновен. Вынося ему смертный приговор, я действовал в соответствии с их решением. Защита подала на апелляцию, указывая, что на присяжных было оказано давление. Апелляцию отклонили и приговор привели в исполнение. Я заявляю, что совесть моя в данном случае чиста. Приговорив к смерти убийцу, я выполнил свой долг, и только.

«...Ну как же, дело Ситона, – вспоминал Армстронг. – Приговор тогда удивил всех». Накануне он встретил в ресторане адвоката Маттьюза. «Оправдательный приговор у нас в кармане – никаких сомнений тут быть не может», – уверил он Армстронга. Потом до Армстронга стали доходить слухи, будто судья был настроен против Ситона, сумел обвести присяжных, и они признали Ситона виновным. Сделано все было по закону: ведь старый Уоргрейв знает закон как свои пять пальцев. Похоже, что у него были личные счеты с этим парнем. Воспоминания молниеносно пронесли в мозгу доктора.

– А вы встречались с Ситоном? Я имею в виду – до процесса? – вырвался у него вопрос. Если б он дал себе труд подумать, он никогда бы его не задал.

Прикрытые складчатыми, как у ящера, веками глаза остановились на его лице.

– Я никогда не встречал Ситона до процесса, – невозмутимо сказал судья.

«Как пить дать врет», – подумал Армстронг.

2

– Я хочу вам рассказать про этого мальчика – Сирила Хамилтона, – сказала Вера. Голос у нее дрожал. – Я была его гувернанткой. Ему запрещали заплывать далеко. Однажды я отвлеклась, и он уплыл. Я кинулась за ним... Но опоздала... Это был такой ужас... Но моей вины в этом нет. Следовательно полностью оправдал меня. И мать Сирила была ко мне очень добра. Если даже она ни в чем меня не упрекала, кому... кому могло понадобиться предъявить мне такое обвинение? Это чудовищная несправедливость... – Она зарыдала.

Генерал Макатур потрепал ее по плечу.

– Успокойтесь, милочка, успокойтесь, – сказал он. – Мы вам верим. Да он просто ненормальный, этот тип. Ему место в сумасшедшем доме. Мало ли что может прийти в голову сумасшедшему. – Генерал приосанился, расправил плечи. – На подобные обвинения лучше всего просто не обращать внимания. И все же я считаю своим долгом сказать, что в этой истории про молодого Ричмонда нет ни слова правды. Ричмонд был офицером в моем полку. Я послал его в разведку. Он был убит. На войне это случается сплошь и рядом. Больше всего меня огорчает попытка бросить тень на мою жену. Во всех отношениях безупречная женщина. Словом, жена Цезаря...

Генерал сел. Трясущейся рукой пощипывал усики. Видно, эта речь стоила ему немалых усилий.

Следующим взял слово Ломбард. В глазах его прыгали чертики.

– Так вот, насчет этих туземцев... – начал он.

– Да, так как же с туземцами? – сказал Марстон.

Ломбард ухмыльнулся:

– Все – чистая правда! Я их бросил на произвол судьбы. Вопрос самосохранения. Мы заблудились в буше. И тогда я с товарищами смылся, а оставшийся провиант прихватил с собой.

– Вы покинули ваших людей? – возмутился генерал Макатур. – Обрекли их на голодную смерть?

– Конечно, поступок не вполне достойный представителя белой расы, но самосохранение – наш первый долг. И потом, туземцы не боятся умереть – не то что мы, европейцы.

Вера подняла глаза на Ломбарда:

– И вы оставили их умирать с голоду?

– Вот именно, – ответил Ломбард, и его смеющиеся глаза прямо посмотрели в испуганные глаза девушки.

– Я все пытаюсь вспомнить – Джон и Люси Комбс, – протянул Антони Марстон. – Это, наверное, те ребята, которых я задавил неподалеку от Кембриджа. Жутко не повезло.

– Кому не повезло – им или вам? – ехидно спросил судья Уоргрейв.

– По правде говоря, я думал, что мне, но вы, разумеется, правы, не повезло им. Хотя это был просто несчастный случай. Они выбежали прямо на дорогу. У меня на год отобрали права. Нешуточная неприятность.

Доктор Армстронг вспыхнул:

– Недопустимо ездить с такой скоростью – за это следует наказывать. Молодые люди вроде вас представляют опасность для общества.

Антони пожал плечами:

– Но мы живем в век больших скоростей! И потом, дело не в скорости, а в наших отвратительных дорогах. На них толком не разгонишься. – Он поискал глазами свой бокал, подошел к столику с напитками, налил себе еще виски с содовой. – Во всяком случае, моей вины тут не было. Это просто несчастный случай, – бросил он через плечо.

3

Дворецкий Роджерс, ломая руки, то и дело облизывал пересохшие губы.

– С вашего позволения, господа, мне бы тоже хотелось кое-что добавить, – сказал он почтительно.

– Валяйте, – сказал Ломбард.

Роджерс откашлялся, еще раз провел языком по губам.

– Тут упоминалось обо мне и миссис Роджерс. Ну и о мисс Брейди. Во всем этом нет ни слова правды. Мы с женой были с мисс Брейди, пока она не отдала Богу душу. Она всегда была хвора, вечно недомогала. В ту ночь, сэр, когда у нее начался приступ, разыгралась настоящая буря. Телефон не работал, и мы не могли позвать доктора. Я пошел за ним пешком. Но врач подоспел слишком поздно. Мы сделали все, чтобы ее спасти, сэр. Мы ее любили, это все кругом знали. Никто о нас худого слова не мог сказать. Святой истинный крест.

Ломбард задумчиво посмотрел на дворецкого, его дергающиеся пересохшие губы, испуганные глаза. Вспомнил, как тот уронил поднос. Подумал: «Верится с трудом», но вслух ничего не сказал.

– А после ее смерти вы, конечно, получили маленькое наследство? – спросил Блор нагло, нахраписто, как и подобает бывшему полицейскому.

– Мисс Брейди оставила нам наследство в награду за верную службу. А почему бы и нет, хотел бы я знать? – вспыхнул Роджерс.

– А что вы скажете, мистер Блор? – спросил Ломбард.

– Я?

– Ваше имя числилось в списке.

Блор побагровел:

– Вы имеете в виду дело Ландора? Это дело об ограблении Лондонского коммерческого банка.

– Ну как же, помню, помню, хоть я и не участвовал в этом процессе, – зашевелился в кресле судья Уоргрейв. – Ландора осудили на основании ваших показаний, Блор. Вы тогда служили в полиции и занимались этим делом.

– Верно, – согласился Блор.

– Ландора приговорили к пожизненной каторге, и он умер в Дартмуре через год. Он был слабого здоровья.

– Ландор был преступник, – сказал Блор. – Ночного сторожа ухлопал он – это доказано.

– Если я не ошибаюсь, вы получили благодарность за умелое ведение дела, – процедил Уоргрейв.

– И даже повышение, – огрызнулся Блор. И обавил неожиданно севшим голосом: – Я только выполнил свой долг.

– Однако какая подобралась компания! – расхохотался Ломбард. – Все, как один, непослушные, верные своему долгу граждане. За исключением меня, конечно. Ну а вы, доктор, что нам скажете вы? Нашалили по врачебной части? Запрещенная операция? Не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.